
ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ СОВЕТСКОЙ СИБИРИ

УДК 94(47).084.9
ББК Т63.3(2)6-2

С.Н. АНДРЕЕНКОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗМЕРОВ ЛИЧНЫХ ПОДСОБНЫХ ХОЗЯЙСТВ КОЛХОЗНИКОВ В СИБИРИ (СЕРЕДИНА 1950-х — НАЧАЛО 1960-х ГОДОВ)

В статье анализируется практика государственного регулирования размеров земельных участков и количества скота личных подсобных хозяйств колхозников в середине 1950-х — начале 1960-х гг. Выявляются результаты осуществления мер по стимулированию или ограничению индивидуальных подворий работников колхозов в Сибири.

Ключевые слова: личные подсобные хозяйства, колхозники, колхозы, совхозы, Н.С. Хрущев, Сибирь.

S.N. ANDREENKOV

STATE REGULATION OF THE SIZE OF PERSONAL SUBSIDIARY FARMS OF COLLECTIVE FARMERS IN SIBERIA (MID 1950s — EARLY 1960s)

The article analyzes the practice of state regulation of the size of land and number of cattle in personal subsidiary farms of collective farmers in the mid-1950s — early 1960s. Revealed the results of the implementation of measures to stimulate or inhibit individual households of employees of collective farms in Siberia.

Keywords: personal part-time farms, collective farmers, collective farms, state farms, N.S. Khrushchev, Siberia.

Аграрный строй СССР 1930–1980-х гг. базировался на крупных организационных формах — колхозах и совхозах, однако он включал и мелкие хозяйства, которые принадлежали колхозникам, рабочим и служащим совхозов, предприятий промышленности и различных учреждений. Личные приусадебные хозяйства (ЛПХ) выполняли вспомогательную функцию: для селян и значительной части горожан они являлись дополнительным источником получения продуктов питания. Продажа на городских рынках мяса, молока, яиц, картофеля и овощей давала владельцам ЛПХ возможность увеличить денежные доходы. В то же время ЛПХ являлись вспомогательной ресурсной базой и для колхозов и совхозов, которые

могли приобретать у них скот, и для государства, которое отчуждало у владельцев подсобных хозяйств необходимые ему объемы натуральных и денежных средств через обязательные поставки и аналоги соответственно.

В личном секторе аграрной экономики самыми крупными и многочисленными были хозяйства колхозников. Площадь земельного участка и количество скота в них определялись колхозным уставом. Согласно примерному уставу сельхозартели, утвержденному в 1935 г., земельный надел колхозной семьи составлял от 0,25 до 0,5 га, а в отдельных районах с одобрения органов Наркомзема СССР его дозволялось доводить до 1 га. В районах, специализировавшихся на производстве зерна, хлопка, свеклы, льна, конопли, картофеля, овощей, чая и табака, каждому колхозному двору разрешалось иметь 1 корову, до 2 голов молодняка рогатого скота, 1–2 свиноматки с приплодом, до 10 овец и коз. В земледельческих регионах с развитым животноводством, к которым, в частности, относились южные районы Западной и восточная часть Восточной Сибири, в личном пользовании позволялось содержать 2–3 коровы с молодняком и столько же свиноматок с приплодом, 20–25 овец и коз. Колхозники указанных выше территорий были вправе иметь неограниченное количество птицы и кроликов и до 20 ульев. В районах некочевого и полукочевого животноводства, в частности, в Ойротской, Хакаской АО и западной части Бурят-Монгольской АССР колхозным семьям разрешалось содержать 4–5 коров и молодняк, 30–40 овец и коз, 2–3 свиноматки, неограниченное количество птицы и кроликов, до 20 ульев, 1 лошадь, 2 верблюда (осла, мула). Для районов кочевого животноводства, например, для части территории Бурят-Монгольской АССР, поголовье коров колхозных семей могло достигать до 8–10 голов, овец и коз — до 100–150, лошадей — до 10, верблюдов — до 5–8 голов [11].

Накануне и в первые годы Великой Отечественной войны государство стало изымать у хозяйств колхозников больше продукции. На них распространили принципы налогово-податного обложения, ранее применяемые только по отношению к единоличникам. В конце 1938 г. началась кампания по ограничению размеров ЛПХ. «Излишки» земли и скота подлежали конфискации. Колхозники должны были продавать свой скот на колхозные фермы. Принудительная контракция животных нанесла животноводству ЛПХ серьезный ущерб. Чтобы избежать голода в деревне, от этой практики временно отказались и приняли меры по ликвидации бескоровности и бесскотности колхозных семей. В итоге в 1943 г. в Сибири поголовье скота в их хозяйствах стабилизировалось, а в 1944–1945 г. — выросло. В 1946 г. уменьшилось налоговое бремя ЛПХ. Но в 1948 г. натуральные и денежные налоги вновь стали увеличивать. В 1949 г. хозяйства колхозников опять превратились в поставщиков скота для общественного стада. В 1946 г. развернулась очередная кампания по экспроприации «излишков» приусадебных земель.

В начале 1950-х г. личный сектор колхозной экономики оказался в глубоком кризисе. Колхозники в массовом порядке забивали свой скот и птицу. Многие перебирались в город. Производство мяса, молока, яиц в ЛПХ работников сельхозартелей падало. Сокращение их экономического потенциала приостановилось только после смерти И.В. Сталина.

Аграрная политика постсталинского коллективного руководства предусматривала ослабление налогово-податного давления на личные хозяйства граждан. Новый закон о сельхозналоге, принятый в августе 1953 г., вводил принцип фиксированного обложения каждой используемой в ЛПХ сотой гектара земли независимо от ее доходности. Налог уменьшался почти наполовину. Все недоимки с ЛПХ списывались. Многие категории сельского населения (престарелые, сельская интеллигенция, переселенцы) полностью избавлялись от его уплаты [12]. В последующие годы контингент лиц, освобожденных от уплаты сельхозналога и пользующихся льготами по налоговым выплатам, был значительно расширен. Правительство уменьшило, а потом и вовсе отменило натуральное обложение ЛПХ.

Перечисленные меры оказали позитивное влияние на развитие личного сектора сельской экономики. Уже в конце 1953 г. владельцы ЛПХ уменьшили забой скота, что привело к росту его поголовья. В 1954 г. наращиванию численности индивидуального стада способствовал высокий урожай трав и значительное увеличение выдачи зерна на трудодни колхозникам. В Сибири с 1953 по 1956 гг. количество крупного рогатого скота (КРС) в хозяйствах работников сельхозартелей выросло на 32 %, коров — на 21, овец и коз — на 73, свиней — на 59 % [19, с. 140, 147, 154, 160]. Уменьшился удельный вес бесскотных и бескоровных семей. Производство мяса в ЛПХ сибиряков поднялось на 35 %, молока — на 18, яиц — на 48 % [17, с. 338, 340, 346, 350–351, 354–356, 359]. Расширились посевные площади приусадебных хозяйств населения. В Новосибирской области с 1953 по 1956 г. колхозники увеличили посевы огородных культур на 10 % [6, с. 54]. Производство картофеля в ЛПХ Сибири выросло на 9 % [17, с. 238]. Возросли объемы реализации продукции ЛПХ на рынке. В Томской области продажа колхозниками говядины поднялась на 9 %, молока — на 50, яиц — на 67, картофеля — на 7 % [7, с. 130].

На дальнейшую политику государства по отношению к ЛПХ влияла реализация доктринальных убеждений Н.С. Хрущева. Признавая экономическую значимость ЛПХ и поддерживая его освобождение от налоговых пут, глава партии тем не менее не видел у ЛПХ больших перспектив. Вся необходимую для страны сельхозпродукцию, по его мнению, способны производить колхозы и совхозы. 25 января 1955 г. на пленуме ЦК КПСС, посвященном вопросам животноводства, Н.С. Хрущев по этому поводу заявил: «Развивая общественное животноводство, мы не должны умалять значение той части животноводства, которая находится в

личной собственности колхозников и ведется в рамках Устава сельхозартели, в рамках личного потребительского хозяйства. Партия и правительство поощряли и будут поощрять колхозников в обзаведении скотом, имея в виду, что это содействует подъему благосостояния народа. Но главное внимание должно быть обращено на подъем общественного животноводства, призванного сыграть решающую роль в достижении обилия сельскохозяйственных продуктов и предметов народного потребления» [4, с. 439].

Усиление давления на свое подсобное хозяйство колхозники почувствовали весной-летом 1956 г., когда по указанию правительства развернулась работа по обновлению уставов сельхозартелей. Новые правила внутриколхозной жизни предусматривали сокращение площади приусадебного землепользования и численности личного скота. Весной 1956 г. в колхозе «Союз строителей» Ояшинского района Новосибирской области участок двора определялся в размере 0,4 га, т.е. в пределах нормы, установленной для Западной Сибири примерным уставом сельхозартели 1935 г. А вот семьям престарелых, не имевших трудоспособных членов, но много лет проработавших в сельхозартели, предоставлялся меньший надел — всего 0,15 га. Приусадебная земельная площадь колхозников, в семьях которых хотя бы один трудоспособный не выполнил минимума трудодней без уважительных причин, урезалась до 0,1 га. Каждый двор мог иметь только 1 корову, 2 головы молодняка КРС, 1 свиноматку с приплодом и до 5 овец и коз. Приплод разрешалось держать до двухмесячного возраста, количество овцематок уменьшалось до 5 голов [10].

В число колхозников, чьи интересы при определении размеров ЛПХ учитывались меньше всего, входили не только престарелые и семьи с трудоспособными, не отработывавшими трудовой нормы, но и семьи, члены которых работали в МТС и других государственных организациях, находились на учебе или в армии, входили в рыболовецкие хозяйства, но проживали на территории сельхозартели. О практике ограничения ЛПХ у этих категорий колхозников мы узнаем, например, из жалобы гражданина Г.А. Хуртасенко Министерству сельского хозяйства РСФСР, который в 1954–1956 гг. работал в Востряковской МТС Алтайского края на освоении целинных и залежных земель. Приехав в 1956 г. приехал в отпуск на родину, в колхоз им. Хрущева Красноярского района Белгородской области, он узнал, что руководство этого хозяйства, занимавшееся корректировкой устава сельхозартели, предъявило его родителям ультиматум: либо они уговаривают сына устроиться на работу в родной колхоз, либо их приусадебный участок будет уменьшен. Г.А. Хуртасенко принял решение остаться в хозяйстве и в Алтайский край не возвращаться. Жалоб от колхозников на ограничение ЛПХ в министерстве накопилось немало. Только за апрель–май 1956 г. в ведомство поступило около

2 тыс. писем. Если судить по ним, то больше всего у крестьян вызывало недовольство сокращением участков, занятых плодовыми деревьями. Компенсация за их потерю была минимальной или вовсе отсутствовала. Вместе с плодовыми деревьями нередко уничтожались декоративные насаждения. Имели место факты необоснованного отчуждения ульев. Колхозники сетовали и на слишком высокую плату за использование общественных лугов и пастбищ [3, л. 91, 93–94].

У идеи ограничения личных подворий указанных категорий работников в колхозной среде было немало сторонников. К таковым, в частности, заведующий колхозным клубом села Анстаница Куйтунского района Иркутской области Ладанов, который летом 1958 г. подготовил предложения по корректировке устава сельхозартели для обсуждения на предстоящем съезде колхозников-ударников. В письме в газету «Сельское хозяйство» он изложил свою позицию: «Для колхозников в личное пользование выделяется приусадебный участок “от и до”, независимо от наличия в семье едоков или работающих в колхозе. Это дело нужно дифференцировать. Например, на трудоспособного, работающего в колхозе, хватит 0,10 га, на детей — 0,05 га, престарелых родителей тоже 0,05, находящихся на учебе или в армии тоже 0,07–0,08 га. <...> Такие нормы можно рекомендовать для Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Читинской обл., Красноярского края и др. <...> А то ведь иногда получается: живут двое уже неработающих стариков, имеют 0,80–0,90 га огорода, 2-х коров, 7–10 овец, свиней (все это разрешается уставом). Имея такое “сверхпотребное”, такие “старики” спекулируют с. х. продуктами, пасут скот, косят сено, пользуются соломой, <...> бесплатно и копят тысячи. Зачем? Ведь они освобождены от с. х. налогов, от госпоставок. <...> Они же еще нередко и получают пособие от колхоза в виде трудовой или натурой. Или пример. Жена работает в колхозе, муж и трудоспособные члены семьи ушли в отход в производство. Жена — член колхоза <...> содержит огород и скот <...>, разрешенный уставом, а [в колхозе] работает одна. Еще пример. В семье 8–10 едоков, работают двое, остальные еще маленькие или учатся, семье явно не хватает своих продуктов от огорода и скота, разрешенного уставом. Эта семья в накладе. <...> Все это создает нежелательное недовольство известной части колхозников. Одни работают на других, одни живут за счет других, обогащаются, для них это своеобразный “НЭП”» [14, л. 118–120].

За ограничение личных подворий колхозников в первую очередь выступали колхозные власти. В воспоминаниях Е.А. Вологодина, возглавлявшего в середине 1950-х гг. Чаинский райком КПСС Томской области, есть рассказ о деятельности председателя сельхозартели им. Сталина Н.С. Жульева, работавшего в прошлом помощником начальника политотдела Томского УВД по комсомолу. Мемуарист сообщает о его крайне негативном отношении к колхозникам, которых личное хозяйство забо-

тило больше, чем общественное: «Колхоз для него был превыше всего. <...>. Едет как-то Николай Степанович по полевой дороге. И вдруг..! На нескошенном зерновом поле видит пасущихся коров. Его возмущению не было предела. Н.С. Жульев пришпорил лошадь и... быстрее в деревню. Долго не раздумывая, берет микрофон внутриколхозной связи и с присущей ему эмоциональностью говорит: “На таком-то нескошенном поле пасутся две коровы, я их пристрелил. Владельцев скотины прошу забрать мясо. И впредь с бродячим скотом на колхозных полях буду поступать так же”. Можно себе представить, как всполошились некоторые колхозники. Примчавшиеся к месту “происшествия” хозяева скота обнаружили лежащих на зерновом поле двух коров, отпыхивающихся от сытной еды» [2, с. 61–62].

Указания скупать скот у колхозников руководители сельхозартелей не получали. Более того, 13 февраля 1958 г. в «Правде» вышла статья, осуждавшая действия правлений и председателей ряда колхозов Запорожской области УССР, которые по указанию секретарей райкомов партии под видом покупки заставляли колхозников обобществлять личных коров. Дело дошло до того, что работникам сельхозартелей, сопротивлявшимся массовому изъятию скота, прекращали выдавать корма по трудодням. «Продажа колхозниками коров на колхозные фермы, — говорилось в статье, — является делом исключительно добровольным. Покупка коров у колхозников и сведение их на колхозные фермы может производиться лишь в виде опыта в отдельных передовых колхозах, где колхозники сами пришли к такому убеждению и где уже в настоящее время созданы хорошие условия для содержания колхозного скота, где за счет общественного животноводства одновременно с выполнением государственного плана заготовок можно полностью удовлетворить потребности всех колхозников в молоке и молочных продуктах» [8].

Однако данные установки не соблюдались. Колхозников заставляли передавать свой скот в общественное стадо. В Новосибирской области за 1959 г. обеспеченность работников сельхозартелей КРС сократилась с 172 до 145, коровами — с 94 до 87 голов на 100 хозяйств. Несколько увеличился удельный вес колхозных семей, не имевших КРС и коров, и снизилось число ЛПХ с двумя и более коровами [9, с. 73, 75]. В докладе на пленуме ЦК КПСС в декабре 1959 г. Н.С. Хрущев, подводя итоги работы колхозов, с удовлетворением констатировал: «Еще не так давно большую часть молока и мяса поставляли колхозники со своих личных хозяйств. Это было очень неприятное явление для нашего социалистического сектора и давало врагам социализма повод для всевозможных измышлений против социалистической системы сельского хозяйства. Однако теперь мы добились совершенно иного положения. Социалистический сектор стал главным, основным поставщиком мяса и молока для городов. И это <...> имеет большое политическое значение» [16, с. 58].

Сокращению личных хозяйств колхозников способствовало не только приведение их в соответствие с новыми уставными нормами приусадебного хозяйствования. С 1957 г. многие колхозы преобразовывались в совхозы. Большее количество сельхозартелей было переведено в совхозный сектор в 1957 и в 1960–1961 гг. Статус рабочего или служащего государственного сельхозпредприятия предоставлял бывшему колхознику право на получение гарантированной и более высокой оплаты труда. Кроме того, до 1959 г. работникам совхозов, созданных на целине и на базе колхозов, разрешалось содержать скот в соответствии с нормативами, установленными для членов сельхозартелей. В 1958 г. в степных районах Сибири трудящимся новых государственных хозяйств можно было иметь в личном пользовании 2 коровы или 5–7 свиней, 2–3 головы молодняка КРС, а также овец [15, л. 118].

Однако в 1959 г. нормы содержания скота для работников госхозов понизили. Им разрешалось иметь на семью не более 1 коровы или 1 козы с приплодом не старше 1 года, 1 теленка в возрасте до 4 месяцев, 1 свиньи на откорме, 10 кур или 5 голов водоплавающей птицы [15, л. 117]. Совхозы по указанию верховного руководства стали скупать крупный рогатый скот у своих работников. В Сибири за 1959 г. поголовье КРС в ЛПХ граждан сократилось на 13,3 %, коров — на 6,7 %. Владельцы личных хозяйств компенсировали потерю этого скота увеличением поголовья овец и коз (+5,1 %) и свиней (+12,8 %) [17, с. 272–273, 276–278, 281–283, 286–288, 291].

В 1963 г. правительство РСФСР приняло решение сократить земельную площадь ЛПХ рабочих и служащих до 0,25 га на семью. На практике приусадебные наделы работников государственных хозяйств нередко урезались до 0,15–0,06 га [13, л. 8–9, 13].

Таким образом, колхозники, ставшие работниками совхозов, лишились значительной части своего приусадебного хозяйства. Его размеры оказались меньше, чем были в колхозе.

Политика ограничения личных подсобных хозяйств имела существенные последствия. Она отрицательно повлияла на сферу обеспечения населения продовольствием. В Сибири уменьшение поголовья коров (за 1958–1965 гг. — на 16 %) и производства молока (за 1958–1964 гг. — на 18 %) [17, с. 277–278, 281, 350–351, 354; 18, с. 258, 304] в индивидуальном секторе сельского хозяйства в условиях кризисного развития колхозно-совхозного животноводства способствовало временному падению потребления гражданами молочной продукции. Роль продаж продукции ЛПХ на рынке в формировании бюджета колхозной семьи понизилась. Если в 1950-е гг. реализация мяса, молока, яиц, картофеля и овощей на рынке составляла свыше 30 % всех денежных доходов колхозников (в 1955 г. в Западной Сибири — 35, в Восточной — 44 %), то с 1960 г. — менее 30 % [1, с. 144, 147].

Осуществление мер по ограничению ЛПХ усилило отток сельского населения в города. Миграция, в свою очередь, ускорила процесс сокращения масштабов личного сектора сельской экономики по всем производственным характеристикам, в том числе по числу дворов и размерам земельных участков. В Западной Сибири количество сельских семей в начале 1960-х гг. уменьшилось на 14 %. В 1959–1964 гг. общая площадь земельных участков личного пользования снизилась в регионе на 18 % [5, с. 111].

Таким образом, политика ограничения личных подсобных хозяйств, способствовавшая снижению их экономического потенциала, внесла свою довольно существенную лепту в процесс раскрестьянивания деревни. Колхозное крестьянство, несмотря на сохранение ЛПХ, все быстрее превращалось в разновидность рабочего класса.

Список использованной литературы и источников

1. Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х годов / О. М. Вербицкая. — М. : Наука, 1992. — 223 с.
2. Вологдин Е. А. Воспоминания / Е. А. Вологдин. — Томск : Диалог-Сибирь-Томск, 1997. — 160 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. А-310. — Оп. 1. — Д. 6623.
4. Доклад на пленуме ЦК КПСС 25 января 1955 г. «Об увеличении производства продуктов животноводства» // Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства / Н. С. Хрущев. — Т. 1: Сентябрь 1953 года — январь 1955 года. — М., 1962. — 495 с.
5. Карпунина И. Б. Сельское население Западной Сибири в 1960–1980-е гг. (факторы, тенденции и результаты социально-демографической адаптации) / И. Б. Карпунина, А. П. Мелентьева, В. А. Ильиных. — Новосибирск : ГУП РГО СО РАСХН, 2003. — 190 с.
6. Народное хозяйство Новосибирской области и города Новосибирска : стат. сб. — Новосибирск, 1957. — 192 с.
7. Народное хозяйство Томской области: стат. сб. — М., 1965.
8. Об ошибках, допущенных в отдельных колхозах Запорожской области при закупке скота у колхозников // Правда. — 1958. — 13 февр.
9. Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х — 1980-е гг. / Т. М. Бадалян, В. А. Ильиных, И. Б. Карпунина, А. П. Мелентьева. — Новосибирск : Изд-во ИДМИ, 2001. — 188 с.
10. По решению общего собрания колхозов // Советская Сибирь. — 1956. — 6 мая.
11. Примерный устав сельскохозяйственной артели // Советская Сибирь. — 1935. — 20 февр.
12. Постановление Совета Министров СССР № 2102 от 8 августа 1953 г. «О сельскохозяйственном налоге» // Государственный архив Новосибирской области. Сб. постановлений Совета Министров СССР за 1953 г. — Т. 2. № 1275–2229. — Л. 226–227.
13. Российский государственный архив новейшей истории. — Ф. 5. — Оп. 46. — Д. 492.

14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). — Ф. 7486. — Оп. 7. — Д. 1610.
15. РГАЭ. — Ф. 7486. — Оп. 21. — Д. 384.
16. Речь на пленуме ЦК КПСС 25 декабря 1959 г. «Полнее используем резервы для дальнейшего подъема сельского хозяйства» // Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства / Н. С. Хрущев. — Т. 4: Май 1959 года — февраль 1961 года. — М., 1963. — 479 с.
17. Сельское хозяйство СССР: стат. сб. — М., 1960. — 666 с.
18. Сельское хозяйство СССР: стат. сб. — М., 1971. — 711 с.
19. Численность скота в СССР: стат. сб. — М., 1957. — 619 с.

Информация об авторе

Андреевков Сергей Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, сектор аграрной истории, Институт истории СО РАН, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: andreenkov_sn@mail.ru.

Author

Sergey N. Andreenkov — Ph.D. in History, Senior Researcher, Institute of history of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, 8 Nikolaev str., 630090, Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: andreenkov_sn@mail.ru.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)61

В.Ю. БАШКУЕВ

МЕДИЦИНСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКУЮ АССР В 1920 — НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ*

Работа является попыткой современной оценки значения советских медицинских и антропологических экспедиций, изучавших проблемы здоровья и быта, производительный потенциал бурят в 1920-х — начале 1930-х гг. Процессы нациестроительства в Бурят-Монголии рассматриваются сквозь призму и в контексте внешнеполитических интересов СССР во Внутренней и Центральной Азии.

Ключевые слова: Бурят-Монголия, геополитика, Монголия, научное изучение, производительные силы, социальные болезни, наследственность, социальная гигиена.

V.YU. BASHKUEV

SOVIET MEDICAL AND ANTHROPOLOGICAL EXPEDITIONS TO BURYAT-MONGOLIAN ASSR IN 1920 — EARLY 1930s

This paper is an attempt to reassess the meaning of Soviet medical and anthropological expeditions studying problems of health and living conditions

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 14-06-00312).